

Годъ изданія девятый.

АПРѢЛЬ.

№ 11.

1916.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

НА СТРАСТНОЙ НЕДѢЛѢ (стих).
ЛЕТТИ.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ! (стих.).

МАЛЕНЬКАЯ ЛИЗА (повѣсть).

МАЛИНОВКА.

ГОЛОВОЛОМКИ.

РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Пароходъ—для склеиванія.

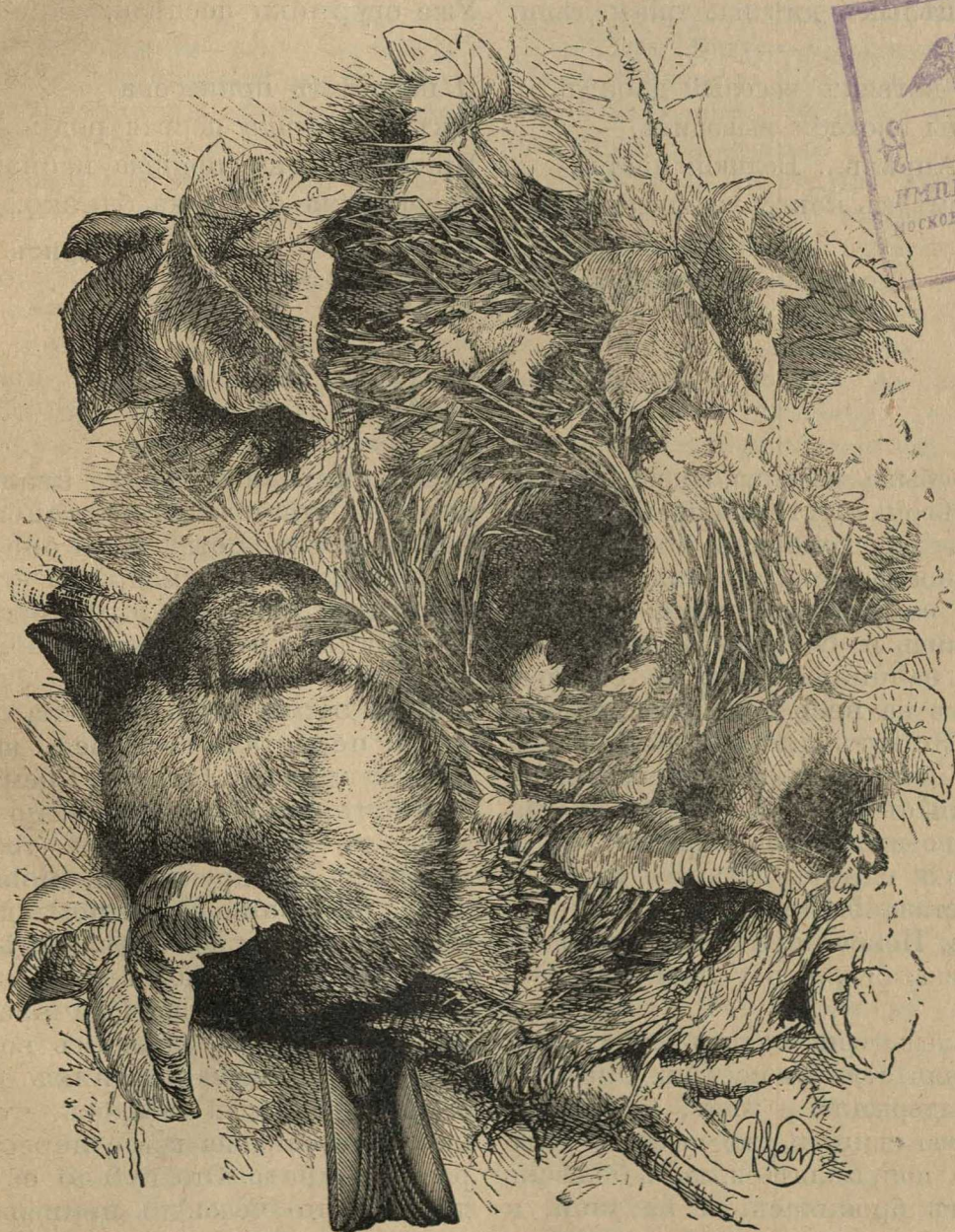
Друзья (картина).

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

У теплога гнѣздышка.

НА СТРАСТНОЙ НЕДѢЛѢ.

Пришла весна... Растаялъ ледь, Мычать стада и вдалекѣ
И птички весело запѣли, Ужъ слышенъ томный звукъ сви-
Но громче всѣхъ скворецъ поетъ Тепло настало. Въ парникѣ [рѣли.
Ужъ цѣлыхъ двѣ иль три недѣли. Уже огурчики поспѣли.

И на вѣтвяхъ веселый дроздъ И на обѣдъ принесена
Рулады звонкія выводитъ.— Ужъ съ грядки первая редиска...
Уже Апрель... Великій постъ Пришла весна, пришла весна,
Совсѣмъ къ концу уже подходить. Теперь уже и Пасха близко.

Ирисъ.

Л Е Т Т И.

Это была веселая, жизнерадостная дѣвочка лѣтъ четырехъ. Когда отецъ ея говорилъ что-нибудь смѣшное, то она заливалась звонкимъ смѣхомъ, а глядя на нее, смѣялись и большіе. А когда ея мать начинала пѣть, то съ нею вмѣстѣ на весь домъ распѣвала и она. Но вотъ какъ-то вечеромъ папа и мама были въ гостяхъ, куда возили съ собою и Летти. Когда они возвратились обратно, то у дѣвочки вдругъ появился жаръ и она стала жаловаться на боль въ горлѣ. Позвали на утро доктора и онъ сказалъ, что у Летти скарлатина.

Цѣлыя три недѣли пролежала бѣдная Летти въ постели. Она бодро выдержала и жаръ, и скарлатинную сыпь и уже совсѣмъ было стала поправляться, какъ болѣзнь вдругъ бросилась ей на уши, и Летти оглохла навсегда. Папа и

мама испугались, громко звали ее по имени, кричали ей, старались добиться отъ нея отвѣта, но она ихъ не понимала и, думая, что отецъ ее ругаетъ, плакала и говорила:—
— Папа, прости меня, я больше не буду.

И съ этихъ поръ дѣвочка притихла, перестала смѣяться, щебетать, говорить глупости. Гремѣли громъ, проходили ли мимо солдаты съ музыкой, — она только смотрѣла на другихъ и, повидимому, не понимала, въ чемъ дѣло. Цѣлыми днями она сидѣла гдѣ-нибудь въ уголку, молчала и перебирала свои игрушки. Сначала она задавала своимъ близкимъ вопросы, но не получая на нихъ отвѣта, такъ какъ ей казалось, что ей не отвѣчали, она вовсе перестала разговаривать. Это пугало ея родителей, но человѣкъ привыкаетъ ко всему, привыкли и они къ это-

му молчанію Летти. А дни проходили за днями, и Летти совершенно разучилась говорить. И когда ей исполнилось восемь лѣтъ, то это была уже настоящая глухонѣмая, съ которой можно было разговаривать только мимикой и на пальцахъ.

Въ это время умеръ ея отецъ и бѣдная Летти вмѣстѣ со своею матерью остались вовсе безъ средствъ.

— Не бойся, Летти, сказала ей мать.—Я еще могу работать! Я поступлю въ прачки, буду мыть чужое бѣлье и мы не погибнемъ съ голоду!

Летти не понимала, что говорила ей мать, но когда мать дѣйствительно открыла прачечное заведеніе, то она съ жаромъ бросилась ей помогать. Она топила печку, разбирала вмѣстѣ съ матерью бѣлье, а когда оно было вымыто и выглажено, то она разносила его по заказчикамъ.

Мать укладывала бѣлье въ корзину, писала счетъ и, объяснивъ дѣвчкѣ на пальцахъ, что нужно было съ нимъ дѣлать, отпускала ее къ заказчикамъ.

— Ты маленькая, Летти, говорила она,—тебя никто не обидитъ! Будь только осторожна и не попади подъ лошадь. А чтобы ты знала, куда тебѣ идти, вотъ тебѣ записная книжка. Въ ней я записала, кто ты, чья ты дочь, гдѣ живешь и куда идешь, и стоитъ только тебѣ показать эту книжку первому городовому, какъ онъ укажетъ тебѣ, куда идти.

И дѣвочка брала отъ матери корзину и, идя по большому городу, затерянная въ толпѣ, въ массѣ прохожихъ, и не слыша ни шума экипажей, ни звонковъ электри-

ческаго трамвая, переходила только отъ городского къ городовому, показывала каждому изъ нихъ свою книжку и они доводили ее до мѣста. Домой она возвращалась точно такъ-же и приносила матери ея заработокъ. И такъ проходили дни за днями.

— Слава Богу, говорила ея мать.— Безъ бѣдняжки Летти я была бы какъ безъ рукъ... Изъ нея выйдетъ хорошая работница!

И всѣ въ переулкѣ уже привыкли каждое утро видѣть милую дѣвочку въ ея неизмѣнномъ клѣтчатомъ платьѣ, съ корзиной бѣлья на лѣвой рукѣ, а правой поправляющую свои непослушные кудрявые волосы.

— Славная дѣвочка! говорили они.—Жаль только, что она глухонѣмая! Посмотрите, какъ она помогаетъ своей матери!

Но Летти не слышала этихъ похвалъ и только по вечерамъ, усталая отъ дневныхъ трудовъ и ложась спать, бросалась къ своей матери на шею и ласково-ласково произносила:—

— Му-му! Ба-ба-ба, му-му!

Глядя на ея глазки, мать понимала, что она хотѣла сказать, и прижимала ее къ сердцу. И обѣ начинали плакать.

— Бѣдная ты моя, бѣдная! говорила мать.—И какъ это я тебя не уберегла!

А Летти мычала ей въ отвѣтъ точно хотѣла ей сказать:

— Не плачь, мама!.. Я понимаю, что тебѣ тяжело, и буду помогать тебѣ отъ всей души, насколько хватитъ силъ.

Настало лѣто, всѣ заказчики разъѣхались на дачи, и она осталась почти совсѣмъ безъ работы.

Чтобы хоть какъ нибудь свести концы съ концами, она должна была искать себѣ работы въ отдаленныхъ концахъ города и такимъ образомъ Летти приходилось теперь ходить чуть не по всему городу. Но она не унывала, не жаловалась и попрежнему помогала своей матери. Ее видѣли теперь и далеко за вокзальнымъ депо и въ центрѣ города, гдѣ такъ шумно протекала жизнь, и по ту сторону рѣки, въ рабочихъ кварталахъ. Въ своемъ шерстяномъ клѣтчатомъ платьѣ, въ истоптанныхъ башмакахъ, съ непокрытой головкой, она серьезно тащила тяжелую корзину, въ которой лежали выглаженное бѣлье и книжка съ адресами, и по ея личику можно было судить, что она рѣшилась довести свое дѣло до конца и во что бы то ни стало помочь матери выбраться на дорогу.

Однажды она шла по набережной рѣки. Было жарко, солнце пекло немилосердно и ей очень хотѣлось пить. Она очень устала, ноги подгибались подъ ней и тяжелая корзина оттянула ей плечо.

„Вотъ зайду за этотъ уголокъ“, подумала она, — „и отдохну“...

И она зашла за выступъ набережной, гдѣ почти совсѣмъ не было народу, опустила тяжелую корзину на мостовую и перевела духъ.

Какіе-то два оборванца появилась вдругъ со стороны рѣки и, выглянувъ изъ-за перилъ набережной, стали алчно смотрѣть на корзину Летти. И если-бы она могла слышать, если-бы Божій міръ былъ открытъ не только однимъ ея глазамъ, то она услышала-бы слѣдующій разговоръ:

— А что, сказали одинъ изъ нихъ, — не стащить ли намъ у этой дѣвчонки ея корзину?

— Да, отвѣчалъ другой, — знатное бѣлье!

— Давай украдемъ!

— Давай! Только чуръ: деньги пополамъ!

Они перелѣзли черезъ рѣшотку и подошли къ дѣвчонкѣ.

— Вы куда, барышня, идете? обратился къ Летти первый, стараясь отвлечь ея вниманіе отъ корзины.

Но Летти не поняла его и отвѣтила:

— Му-му!

— Что вы говорите? переспросилъ ее негодяй.

— Му-му! такъ-же довърчиво отвѣтила Летти.

Воры переглянулись.

— Да она нѣмая! воскликнулъ одинъ изъ нихъ, схватилъ корзину и бросился съ товарищемъ бѣжать.

Она растерялась, побѣжала-было за ними сама, но они были старше и сильнѣе ея и ей было ихъ не догнать.

Въ отчаяніи она стала плакать.

Мимо нея проходили люди, проѣзжали извозчики, но всѣмъ было мало дѣла до нея, и до ея слезъ и только одинъ господинъ обратился на нее свое вниманіе и спросилъ:

— Дѣвчонка, ты чего плачешь?

Она зашевелила бровями и замелькала передъ нимъ пальцами. Но онъ не понялъ ее и пошелъ дальше. Она хотѣла-было показать городовому свою книжку, но къ ужасу своему увидала, что воры унесли съ бѣльемъ и ее.

— Что-же я буду теперь дѣ-

латъ? мелькнуло у нея въ головѣ. — Вѣдь я отсюда дороги домой не знаю... Что-же я теперь покажу городовому?

И въ отчаяніи она побѣжала, куда глядѣли ея глаза. Было жарко, ей хотѣлось пить и скоро она устала. Раза два или три она подходила къ городовому, стараясь мимикой объяснить ему, что заблудилась и не знаетъ, какъ теперь попасть домой, но онъ не понималъ ея и только, чтобы отдѣлаться отъ нея, указывалъ ей то на ту, то на другую улицу.

Она шла по большому городу, затерянная въ этомъ громадномъ муравейникѣ изъ людей, но среди нихъ она была одинока, какъ въ пустынѣ, чувствовала себя чужой и всѣ были для нея чужіе. Мимо нея проходили бѣдняки, рабочіе и господа въ цилиндрахъ и въ нарядныхъ шляпкахъ, но всѣ они не догадывались, что она заблудилась и что ей хотѣлось уже ѣсть и пить.

И она все шла и шла.

Насталъ вечеръ, потянулись заборы, загудѣли фабричные гудки и стали массаами попадаться навстрѣчу рабочіе. Здѣсь уже не было красивыхъ построекъ и не было уже нарядныхъ господъ.

„Должно быть, я попала на край города...“ подумала Летти.

И она повернула назадъ.

— „Господи, зашептала она по своему,—помоги мнѣ найти дорогу домой! Доведи меня до мамы!“

Но ноги уже не несли ея и она въ безсиліи опустилась на тумбу.

Настала ночь, потянуло сыростью и вся жизнь вокругъ нея

затихла. Всѣ улеглись спать, а она сидѣла на тумбочкѣ цѣлыми часами и ея волосы стали влажными отъ росы и вдоль спины пробѣгали у нея холодъ.

Послышались чьи-то тяжелые шаги. Она подняла уставшія вѣки и увидала нищаго. Онъ былъ старъ, едва передвигалъ ноги и подъ мышкой у него была гитара. Летти догадалась, что это былъ музыкантъ, который ходилъ по дворамъ, игралъ передъ окнами на гитарѣ и ожидалъ, когда ему выкинуть изъ окна копейку. Онъ шелъ и глубоко вздыхалъ.

Дойдя до дѣвочки, онъ вздрогнулъ отъ удивленія и наклонился надъ ней.

— Дитя мое, сказалъ онъ,—зачѣмъ ты здѣсь сидишь? Вѣдь уже поздно!

Она пересилила дремоту и усталость, вскочила съ тумбы на ноги и засѣменила передъ его лицомъ пальцами.

— Му-му! сказала она.

Онъ посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Ты глухонѣмая? спросилъ онъ.

Она вновь задвигала бровями и зашевелила пальцами.

— Такъ и есть... сказалъ онъ и покачалъ головою.—Глухонѣмая и къ тому же заблудилась...

И, постоявъ около нея нѣсколько минутъ, онъ глубоко вздохнулъ и опять покачалъ головою.

— Ну, куда намъ съ тобой дѣться? сказалъ онъ.—Я цѣлый день ходилъ по дворамъ, игралъ и пѣлъ, но не заработалъ ничего, и вотъ теперь голоденъ и не знаю, гдѣ провести ночь. Но развѣ можно тебя бросить одну?

Она не поняла его и вновь зашевелила пальцами.

— Я усталъ, еле плетусь, продолжалъ нищій,—ноги у меня больныя, еле ходять, но поидемъ, я отведу тебя въ ночлежный домъ. Я и самъ съ удовольствіемъ переночевалъ бы тамъ, но у меня нечѣмъ заплатить за ночлеги и меня туда не примутъ. Я проведу тебя туда, но такъ какъ ты дитя, ребенокъ, то у нихъ не хватитъ силъ отказать тебѣ... Поидемъ, моя крошка!

И онъ взялъ ее за руку и повелъ ее обратно въ городъ. Она молча, послушно, послѣдовала за нимъ.

Они побрели въ грязный кварталъ, гдѣ были харчевни и гдѣ грязь была такъ липка, какъ клей. Дома здѣсь были низкіе, мрачные, и изъ дворовъ выбѣгали грязныя лохматыя собаки. Около одного изъ такихъ домовъ нищій остано-вился и сталъ дергать въ звонокъ.

— Здѣсь ночлежный домъ... сказалъ онъ Летти.— Я позвоню, тебя впустятъ и ты отдохнешь... Я-же опять поплетусь своей дорогой, пока не упаду гдѣ-нибудь подъ заборомъ.

Онъ дернулъ еще разъ въ звонокъ.

— Кто тамъ? слышался голосъ по ту сторону воротъ.

— Пустите переночевать! отвѣтилъ нищій.

Калитка отворилась, и въ ней показался мужчина.

— Проходите, проходите! отвѣтилъ онъ.—У насъ биткомъ все набито! Мѣста нѣтъ. Много васъ тутъ шляется по ночамъ! Только зря безпокоите!

И мужчина затворилъ передъ ними калитку.

— Что-жь, дѣлать нечего!.. вздох-

хнулъ нищій. Все занято... Поидемъ, мое дитя! Я проведу тебя подъ мостъ, и мы тамъ проведемъ эту ночь. Тамъ будетъ сыро отъ рѣки, но за то все-таки будетъ, гдѣ преклонить голову... Ты въ одномъ только этомъ платицѣ и можешь простудиться... Но что-же дѣлать? Поидемъ...

Онъ взялъ ее за руку и повелъ далѣе. Она еле за нимъ плелась.

Они шли очень долго и вышли наконецъ на площадь. Отсюда шла улица прямо къ рѣкѣ, черезъ которую былъ перекинутъ громадный чугунный мостъ.

— Вотъ мы и пришли!.. сказалъ нищій.—Не оступись, дитя мое! Мы сейчасъ подлѣземъ подъ то самое мѣсто, гдѣ мостъ упирается въ берегъ. Тамъ есть уютный уголокъ... Иди вотъ сюда.

И онъ провелъ Летти подъ мостъ.

Было сыро и свѣжо, и желѣзные арки потянулись у Летти надъ головой. Глаза ея слипались и, какъ была, она упала прямо на голую землю.

— Устала... проговорилъ нищій и покачалъ головой. — Бѣдная, бѣдная горемыка!

И, снявъ съ себя рваный пиджакъ, онъ заботливо укрылъ имъ Летти.

— Спи съ Богомъ!.. сказалъ онъ.—А я посижу около тебя и поберегу твой покой!.. Ахъ, ноги мои, ноги!.. Какъ онѣ болятъ у меня и отказываются мнѣ служить!

Онъ присѣлъ около нея и, весь съезжившись отъ сырости, сталъ глядѣть на мутныя воды рѣки и на большой, терявшійся въ ночномъ туманѣ городъ.

Настало утро. Летти просну-

лась рано, вся мокрая отъ росы. Надъ нею уже громыхали по мосту телѣги и ломовые и въ первую минуту она никакъ не могла понять, гдѣ находилась.

— Проснулась? спросилъ ее нищій, который не спалъ всю ночь.—Тебѣ холодно? Но что-же дѣлать? Теперь намъ съ тобою нужно заработать себѣ кусокъ хлѣба, такъ какъ я и ты голодны.

И опять взявши ее за руку, онъ вывелъ ее изъ-подъ моста и повелъ ее за собою въ городъ.

Раскрывались лавки и магазины, изъ булочной пахло вкуснымъ горячимъ хлѣбомъ. Летти вспомнила о своей матери, о чаѣ, который она пила по утрамъ, ей страшно захотѣлось ѣсть и она стала плакать.

— Ты голодна, моя крошка? обратился къ ней нищій.—Ты плачешь? Вотъ погоди немножко, мы зайдемъ въ этотъ дворъ, что-нибудь споемъ и намъ выкинутъ изъ окна монету.

Онъ ввелъ ее во дворъ, въ который выходили кухни и людскія всѣхъ шести этажей громаднаго дома, настроилъ свою гитару, поставилъ передъ собою Летти, заигралъ и старческимъ разбитымъ голосомъ запѣлъ. Летти не слышала ничего и только съ жадностью смотрѣла на окна, изъ которыхъ ей могли кинуть кусочекъ хлѣба.

Но ей никто его не кинулъ.

Нищій опять взялъ ее за руку и опять вывелъ ее на улицу.

— Никто ничего не подалъ... вздохнулъ онъ.—Точно такъ-же, какъ и вчера. Да оно такъ и должно быть... Ахъ, дѣвочка, дѣвочка!.. Когда-то и я былъ великій

музыкантъ, обо мнѣ говорили, писали въ газетахъ, мнѣ аплодировали въ театрахъ, знакомство со мной считали за честь, а теперь... Теперь я одинокъ и никому не нуженъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я простудился и потерялъ свой голосъ, всѣ отшатнулись отъ меня, для всѣхъ я сталъ чужой и вотъ теперь я хожу по дворамъ и прошу милостыню!

И они снова стали ходить изъ улицы въ улицу, со двора на дворъ и всюду нищій игралъ и пѣлъ, но никто имъ не подавалъ.

— Знаешь что? вдругъ воскликнулъ нищій и глаза его заблестали.—Пойдемъ въ деревню! Въ деревнѣ люди не такъ жестоки, какъ въ городѣ, потому что живутъ ближе къ природѣ и знаютъ Бога! Тамъ намъ дадутъ поѣсть!

И схвативъ ее за руку онъ почти насильно потянулъ ее куда-то далеко, туда, гдѣ вдаль виднѣлись деревья и гдѣ тонкой линею небо сходилось съ землею.

Летти не понимала, что съ ней дѣлалъ старикъ, у нея отъ голода болѣлъ животъ и стала кружиться голова и вѣки закрывались сами собой. Она пла за нищимъ, еле передвигая ноги отъ усталости и уже перестала замѣчать, что происходило у нея по сторонамъ. А когда они вышли изъ города и поплелись по шоссе, вдоль котораго тучами носились по вѣтру пыль и шумѣли деревья, она почувствовала, что они за городомъ и что теперь она была отъ матери уже такъ далеко, что ей уже не увидать ее никогда.

— Иди, иди! говорилъ ей нищій.—Въ деревнѣ насъ накормятъ и ты будешь сыта.

Въ Пасхальную ночь на Востокъ.

Въ полномъ цвѣту.

Она хотѣла ему что-то по своему сказать, но не смогла, и вдругъ всею тяжестью своего маленькаго тѣльца повалилась на землю и лишилась чувствъ.

— Свалилась... проговорилъ нищій.— Не смогла... Я тоже еле иду и если мнѣ не дадутъ сейчасъ поѣсть, то я умру и этотъ ребенокъ тоже погибнетъ. Господи, помоги мнѣ!

И, отбросивъ гитару за спину, онъ нагнулся надъ дѣвочкой, взявъ ее на руки и, изгибаясь подъ тяжестью своей ноши и качаясь изъ стороны въ сторону, какъ пьяный, понесъ Летти туда, гдѣ изъ-за фруктовыхъ деревьевъ ласково выглядывали красныя крыши подгородной деревни.

— Сейчасъ... сейчасъ... шепталъ онъ и тяжело дышалъ.— Сейчасъ мы придемъ въ деревню и тамъ намъ дадутъ хлѣба... молока... Ты поѣшь и придешь въ себя... Охъ, тяжело, не могу больше.. Я сейчасъ упаду и ты можешь погибнуть... Господь не лишитъ меня силъ...

Онъ сталъ качаться еще болѣе, его ноша почти пригубала его къ землѣ и у Летти болталась голова такъ, какъ у раненой птички.

— Нѣтъ... не могу! простоналъ нищій.— У меня не хватаетъ больше силъ!

И сдѣлавъ еще два шага впередъ, онъ вмѣстѣ съ Летти безъ чувствъ повалился на траву.

Шли рабочіе въ сосѣднее поле. Увидавъ лежавшаго на травѣ нищаго съ дѣвочкой въ рукахъ, онѣ подумали сначала, что это усталые путники легли отдохнуть и спать. Но такъ какъ трава была сдана въ аренду и ее предстояло косить,

то они сочли, что путники мнутъ чужую траву, и стали ихъ будить.

— Эй, прохожій! толкнулъ одинъ рабочій нищаго въ плечо.— Это трава чужая! Не годится ее мять! Потрудись-ка, братецъ, сойти!

Но нищій не пробуждался.

— Что за диковина! подумалъ рабочій и нагнулся надъ старикомъ.— Да онъ, братцы, не дышитъ! Онъ померъ!

— Не можетъ быть?!

— Да вотъ посмотрите сами!

Другіе рабочіе кинулись къ нищему.

— Нѣтъ, еще живъ! отвѣтили они.— Теплый! Должно быть, пьяный или просто лишился чувствъ!

И они стали его тормошить.

— А это, должно быть, его дочь!.. сказалъ кто-то.— Вишь, какъ онъ ее держитъ?

— Ну, а она-то какъ? Жива?

— Жива! Дышитъ! Вотъ она уже открыла глаза!

— Стой, братцы, не мните траву! А то будутъ обижаться! Дайте-ка, я возьму ребенка!

— Нѣтъ, нѣтъ! Пусть она встанетъ сама!

Дѣйствительно, въ это время Летти очнулась и мутными глазами обвела всѣхъ рабочихъ.

— Дѣвочка, ты чья? спросили ее.

Она открыла ротъ и какимъ-то не своимъ, измѣнившимся ей, голосомъ отвѣтила:—

— Му-му!

— Что? Что ты говоришь?

Му-му! повторила Летти.

— Что-то бормочетъ непонятное... развелъ руками рабочій.— Глазами глядитъ, а видимости въ ней никакой нѣтъ!

— Да развѣ ты не видишь, что

она еще не очухалась? крикнули на него другіе.—Къ доктору ее!

— Къ доктору! Къ доктору! слышались голоса.—Несите ее къ нему на дачу!

Докторъ жилъ невдалекѣ отъ этого мѣста въ своей собственной усадьбѣ, скорѣе похожей на дворецъ, чѣмъ на простое имѣніе. Онъ былъ женатъ уже давно; но всѣ дѣти у него поумирали и остался только одинъ грудной ребенокъ, слабенькій и хилый, надъ которымъ онъ и его жена никакъ не могли надышаться. Для него была нанята ученая няня, еще молодая женщина, учившаяся въ какой-то школѣ уходу за дѣтьми и очень любившая читать.

„Это хорошо, что няня грамотная“, думала докторша. — „Когда нашъ сынокъ подрастетъ, она будетъ ему читать“.

А няня въ свою очередь думала:—

„Это хорошо, что у моихъ хозяевъ много газетъ и журналовъ. По крайней мѣрѣ, сидя около ребенка, можно отъ скуки почитать!“

Доктора не было дома, когда въ саду вдругъ раздались голоса рабочихъ. Няня въ это время читала газету, а докторша вышивала гладью у себя въ комнатѣ. Выглянувъ въ окошко, няня увидела цѣлую толпу, въ которой одинъ изъ рабочихъ держалъ на рукахъ дѣвочку, блѣдную, какъ смерть, съ опущенной головкой.

— Доктора! доктора! шумѣла толпа.

Няня бросилась къ своей хозяйкѣ.

— Барыня! воскликнула она.— Тамъ какую-то мертвую дѣвочку принесли!

Докторша тотчасъ-же вскочила съ мѣста и бросилась на встрѣчу къ рабочимъ.

— Въ чемъ дѣло? спросила она.

— Намъ доктора, доктора! закричали рабочіе.

— Доктора нѣтъ дома, отвѣтила докторша, — онъ пріѣдетъ только завтра утромъ.

— Какъ-же намъ быть? У насъ умираетъ дѣвочка! Отецъ ея тоже сейчасъ лежитъ безъ памяти!

— Гдѣ эта дѣвочка?

— Вотъ она! Оома, выходи впередъ!

Оома вышелъ впередъ и протянулъ Летти къ докторшѣ.

Докторша сошла со ступеней и осмотрѣла дѣвочку.

— Она еще жива, сказала она.— Оставьте ее здѣсь! Я уложу ее въ постель, а мужъ пріѣдетъ и оглядитъ ее потомъ.

— Отлично, отлично, загудѣла толпа, которой давно уже нужно было находиться на работѣ.—Мы оставимъ ее, а докторъ пріѣдетъ и оглядитъ ее!

— А какъ-же съ другимъ-то, съ ея отцомъ? Оома, бѣги скорѣе въ полицію, предупреди тамъ полицейскихъ, а мы принесемъ его прямо туда!

— Да скажите тамъ, что траву помяли не зря, а по необходимости!

— Ладно, ладно! Идите ужъ скорѣе!

Толпа повернула назадъ и скоро голоса ея стихли совсѣмъ.

Докторша взяла Летти на руки и внесла ее къ себѣ въ спальную. Здѣсь стояли двѣ роскошныя постели и маленькая колыбель съ кружевнымъ пологомъ и съ розовыми атласными лентами. Въ ко-

лыбели лежалъ ребенокъ. Послѣ вчерашней жары стало вдругъ прохладно и потому въ спальнѣ были затворены окна и горѣлъ каминъ. Чтобы ребенку было по-теплѣе, его колыбель придвинули поближе къ огню. Сильно пахло цвѣтами.

Почувствовавъ себя на мягкой постели, Летти открыла глаза и улыbnулась.

— Ты кто, моя милая? обратилась къ ней докторша. — Что у тебя болитъ?

Летти протянула къ ней руку и пошевелила пальцами.

— У тебя есть мама? подолжала докторша.

Летти не слышала.

— Странно, что она ничего не отвѣчаетъ, проговорила докторша. — Надо дать ей поѣсть; быть можетъ, это она отъ слабости.

И она позвонила и приказала вошедшей горничной подать дѣвчкѣ поѣсть. Когда горничная принесла ей молоко, два яичка и хлѣба, то Летти жадно набросилась на нихъ и стала глотать ихъ почти не жевавши.

— Боже мой! Какъ она голодна! всплеснула руками докторша. — Да не спѣши такъ, дитя мое, вѣдь ты подавишься или заболѣешь!

Но Летти съѣла все и почти тотчасъ-же заснула.

Докторша укрыла ее одѣяломъ, посидѣла около нея, а потомъ взглянула на часы, взяла изъ колыбели своего ребенка и покормила и его. Ребенокъ заплакалъ немного и заснулъ тоже. Она переложила его въ колыбель и, подойдя къ зеркалу, поправила на себѣ волосы.

— Спать оба... сказала она. — Вы поглядите здѣсь, няня, за обои-

ми, а я съѣзжу на полчаса покататься. Если дѣвочка проснется, то дайте ей вотъ этихъ капель. Кажется, она не опасно больна!

Няня помялась.

— Напрасно вы, сударыня, внесли эту дѣвочку прямо въ вашу спальню, сказала она. — Кто ее знаетъ, изъ какихъ она? Еще, пожалуй, заразить вашего сыночка какой-нибудь болѣзнью, тогда баринъ очень обижаться будетъ!

— Баринъ никогда не будетъ обижаться на то, отвѣтила докторша, что ребенку оказано гостепріимство. У насъ умерло уже четверо дѣтей, а вѣдь въ спальню къ нимъ не вносили никого!

— Какъ вамъ будетъ угодно, сударыня... отвѣтила няня и стала качать колыбель.

Докторша надѣла шляпу, тальму и перчатки, поцѣловала тихонько Летти въ лобъ, потомъ сына и вышла изъ спальни.

Няня придвинула колыбельку поближе къ камину, усѣлась спиною къ огню и отъ нечего дѣлать стала читать газету.

Не прошло и двадцати минутъ, какъ во дворѣ заиграла шарманка. Услышавъ музыку, няня бросила газету на полъ и, убѣдившись, что дѣти спятъ, побѣжала на дворъ, гдѣ въ это время уже кувыркалась обезьяна и на нее, разинувъ рты, глядѣла вся дворня усадьбы.

Тѣмъ временемъ изъ камина выскочилъ уголекъ и упалъ прямо на газету. Она затлѣлась, а потомъ и вспыхнула. Отъ нея огонь перешелъ на колыбель и вся колыбель запылала, какъ факель.

У глухихъ—очень хорошее обоняніе. Заслышавъ запахъ дыма, Летти проснулась и, увидавъ колы-

бель въ огнѣ, сперва не поняла, въ чемъ дѣло. А затѣмъ быстро сообразивъ весь ужасъ положенія, она вскочила съ кровати, отшвырнула отъ себя одѣяло и бросилась къ двери.

— Му-му! Му-му! закричала она.—Ба-ба!—Му-му!

Но на дворѣ играла шарманка и кувыркалась обезьяна,—и ее не услышалъ никто. Тогда она закрыла руками лицо, бросилась къ колыбели и, просунувъ голову въ самое пламя, перегнулась черезъ ея край и, не помня какъ, вытащила изъ нея ребенка. Волосы на ней вспыхнули и сгорѣли, кофточка затлѣлась и рукава сгорѣли до плечъ.

И когда возвратившаяся съ прогулки докторша вбѣжала къ себѣ въ спальню, то она увидала Летти на полу съ обожженными руками и лицомъ, державшую невредимаго ребенка, и по обгорѣвшей колыбели и массѣ дыма, наполнившей комнату, поняла, въ чемъ дѣло.

— Няня! Няня! Люди! закричали она.—Мой сынъ! Мой сынъ!

И, бросившись къ Летти, она стала ее цѣловать.

— Милая! Милая! говорила она.—Спасибо тебѣ! Ты спасла ему жизнь! Я не забуду этого никогда!

А Летти лежала на полу, стонала отъ боли и звала по своему къ себѣ мать.

— Ма! Ма! повторяла она.—Му-Му!

Докторша посмотрѣла на нее, взглянула ей въ глаза и только теперь поняла, что это была глухонѣмая.

— Бѣдняжка!.. проговорила она. Поздно вечеромъ неожиданно

возвратился докторъ. Когда онъ вошелъ къ себѣ въ спальню, то на своей кровати увидѣлъ незнакомую дѣвочку, у которой были обвязаны руки, и все лицо которой было покрыто ватой, пропитанной масломъ.

— Что это? спросилъ онъ жену. Докторша рассказала ему все, какъ было.

Онъ подошелъ къ дѣвочкѣ, которая не спала отъ боли и все звала къ себѣ мать, и онъ принялся ее лечить. А она мужественно переносила свою боль и только тихо, попрежнему, говорила:

— Му-Му!

Докторъ, наложилъ ей повязки и далъ выпить капель. Она успокоилась и заснула.

— Какое счастье, обратился докторъ къ женѣ, что въ это время здѣсь была эта дѣвочка!

— Да, отвѣтила докторша — Самъ Богъ послалъ намъ ее!

— За это я опредѣлю ее въ самый лучшій пріютъ...

Докторша подошла къ мужу и взяла его за руку.

— Она спасла жизнь нашему мальчику, сказала она,—и ты хочешь отдать ее за это въ пріютъ. Не лучше-ли будетъ пріютить ее у насъ и, въ благодарность за ея поступокъ, считать ее нашей дочерью? Я уже сказала тебѣ, что Самъ Богъ послалъ намъ ее сюда, зачѣмъ-же мы будемъ идти противъ воли Бога?

Докторъ крѣпко пожалъ руку женѣ.

— Ты права, сказалъ онъ.—Будь же этой дѣвочкѣ второй матерью!

И съ этой минуты Летти навсегда поселились въ усадьбѣ.

Но никто не зналъ, кто она, есть-ли у нея мать и даже какъ ее зовуть. Старого нищаго отравили въ больницу, онъ тамъ поправился, ушелъ на всѣ четыре стороны и оставилъ Летти одну. Такъ никто и не узналъ, откуда она и какъ ея имя. Звали ее просто „дитя мое“, или „милая моя“, но она все равно не слышала ничего и ничего не могла о себѣ сообщить. Такъ она и продолжала жить въ усадьбѣ незнакомой и поправлялась не по днямъ, а по часамъ. Она сидѣла уже на кровати и играла съ маленькимъ докторскимъ сыномъ, который весело смѣялся на всѣ ея шутики. Для него было совершенно безразлично, умѣла-ли Летти говорить или нѣтъ, и важно было только то, чтобы понимали именно его, а Летти его понимала, и во всемъ мірѣ не было другой болѣе дружной компаніи, какъ онъ и его глухонѣмая подруга. Какъ вдругъ подъ окнами раздался какой-то странный шумъ, что-то подѣхало, загудѣло, затрещало и смолкло.

Докторша бросилась къ окошку. Это былъ автомобиль.

Вслѣдъ затѣмъ въ комнату вошелъ ея мужъ и, веселый, съ раскраснѣвшимися отъ быстрой ѣзды щеками, прямо отъ двери крикнулъ своей супругѣ: —

— Ну, жена, теперь ты можешь кататься, сколько угодно. Я купилъ тебѣ автомобиль!

Вся дворня высыпала на дворъ, окружила автомобиль и стала его разглядывать, широко раскрывъ рты. Затѣмъ автомобиль вытерли тряпкой отъ пыли и вкатили его въ каретный сарай.

— Вотъ погоди, обратился докторъ къ своей женѣ, — какъ толь-

ко поправиться дѣвочка совсѣмъ, такъ я васъ всѣхъ прокачу въ городъ покататься.

— Да сумѣешь-ли ты? спросила его жена. — Вѣдь для этого нуженъ шоферъ!

— Какънибудь сумѣю и самъ! отвѣтилъ докторъ. — Дѣло не хитрое!

Но вотъ Летти выздоровѣла совсѣмъ. Докторъ снялъ съ нея повязки и позволилъ ей выходить, а самъ по цѣлымъ часамъ сталъ проводить около автомобиля или учился имъ управлять. Но вотъ въ назначенный день, онъ зарядилъ его, привелъ его въ порядокъ и съ шикомъ подкатилъ на немъ къ парадному крыльцу.

— Пожалуйте! крикнулъ онъ женѣ. — Экипажъ поданъ!

Всѣ вышли изъ дому и стали усаживаться въ автомобиль. Докторша сѣла рядомъ съ няней, на рукахъ у которой въ широкополой шляпѣ былъ ребенокъ. Няня была уже другая. Летти помѣстилась рядомъ съ докторомъ.

— Готово? спросилъ докторъ.

— Готово! отвѣтила ему жена.

Автомобиль плавно покотился по шоссе. Сначала тихо, онъ все развивалъ и развивалъ свой бѣгъ, пока наконецъ не полетѣлъ съ невѣроятной быстротой, отъ которой у Летти стало холодѣть подъ сердцемъ.

— Осторожнѣе! сказала докторша. — Мы уже въѣзжаемъ въ городъ! Здѣсь уже много людей!

— Ничего! отвѣтилъ весело докторъ. — Не задавимъ!

И только что онъ это сказалъ, какъ черезъ дорогу стала переходить какая-то женщина съ корзиной въ рукахъ. Лицо ея было печально и блѣдно и потому, какъ она низко опустила голову, видно

было что мысли ея были гдѣ-то далеко. Она шла прямо подъ автомобиль.

— Назадъ! Назадъ! закричали ей.—Берегись!

— Берегись! закричалъ ей и докторъ и сталъ часто гудѣть въ гудокъ.

Но она не слышала никого и ничего и продолжала переходить черезъ дорогу.

Докторъ спохватился, сталъ тянуть за какой-то рычагъ, но не за тотъ, и въ торопяхъ ничего не могъ подѣлать. Онъ съ ужасомъ видѣлъ, что еще моментъ или два и его автомобиль проѣдетъ черезъ эту женщину и можетъ быть задавить ее на смерть.

— Съ дороги! Съ дороги! кричалъ онъ.—Берегись!

Но автомобиль шелъ слишкомъ скоро, а женщина слишкомъ занята была своими мыслями и когда затѣмъ автомобиль остановился и изъ него въ страхъ и волненіи выскочили самъ докторъ, его жена, няня и Летти, то женщина легла уже на землѣ, ея корзина отскочила отъ нея на нѣсколько аршинъ и изъ нея вѣромъ высыпалось бѣлье и покатилося вдоль улицы по вѣтру.

— Что съ вами? бросился къ ней докторъ.— Не ранены-ли вы?

Но въ это время произошло нѣчто такое, чего не можетъ описать это слабое перо.

Вмѣсто отвѣта женщина бросилась къ Летти, схватила ее въ объятія и стала кричать:—

— Летти, Летти! Моя дочь! Наконецъ-то ты нашлась!

А Летти бросилась къ матери на шею, цѣловала ее въ щеки, въ глаза, въ губы, въ шею. Слезы текли у нея по щекамъ и смѣши-

вались со слезами матери и она чувствовала, что радость подступила ей къ горлу, мѣшаетъ ей ласкать свою мать, и только вторяла:—

— Му-Му! Мама! Мама! Му-му!

Затѣмъ обѣ онѣ сѣли прямо на мостовую и стали громко плакать. Счастливая прачка то и дѣло хватала Летти за обѣ щеки ладонями, сжимала ихъ, такъ что изъ губъ дочери получался бантикъ, и цѣловала ихъ. А сбоку стояли докторъ и его жена и, глядя на нихъ, тоже вытирали себѣ слезы.

— Ну, что-же? Пора и по домамъ? сказалъ наконецъ докторъ, когда радость свиданія немного поулеглась.

— Да, сударь, отвѣтила ему прачка, которой Летти уже многое успѣла объяснить на пальцахъ.— Мы пойдемъ сейчасъ съ Летти домой. Но позвольте мнѣ сначала поблагодарить васъ за то, что вы спасли мою дочь!

И она хотѣла поцѣловать докторшѣ руку.

— Оставьте! строго сказала ей докторша.—Это мы должны благодарить васъ за вашу дочь! Еслибы не она, то мы на вѣки лишились-бы нашего сына!

И она горячо поцѣловала ее въ губы.

— Пойдемъ, Летти!... обратилась къ дочери прачка и что-то сказала ей на пальцахъ.—Поблаговари этихъ господъ и примемся опять за работу!

— Погодите! сказалъ ей докторъ.—Я прошу васъ прежде сѣсть въ этотъ автомобиль. Мнѣ нужно вамъ кое-что передать!

Прачка и Летти нерѣшительно сѣли въ экипажъ. Докторша опять усѣлась рядомъ съ няней, докторъ

У ручейка.

потянулъ за рычагъ и экипажъ покатился обратно къ дачѣ.

— Куда мы ѣдемъ? спросила прачка, когда городъ уже остался позади.

— Къ себѣ домой! сказалъ ей докторъ.— Скоро вы будете дома!

— У меня нѣтъ дома, отвѣтила ему прачка. — Я едва имѣю средствъ, чтобы нанимать себѣ маленькій уголь.

— Не беспокойтесь... продолжалъ докторъ. — Съ этого дня вы будете жить у насъ. Вы навсегда поселитесь вмѣстѣ съ нами!

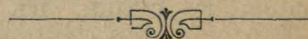
И онъ вопросительно поглядѣлъ на жену.

— Да, да! отвѣтила докторша.— Вы будете жить вмѣстѣ съ нами. Мы не разстанемся съ вами никогда!

Прачка закрыла руками лицо и стала громко плакать.

Автомобиль летѣлъ, какъ стрѣла, и цѣлое облако пыли вырывалось изъ-подъ его колесъ и застилало собою видъ на городъ, гдѣ столько испытаній пришлось пережить маленькой глухой.

Гальмаръ.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ!

— Христось воскресъ! — Воистину воскресе!
Ужъ снѣгъ сошелъ, оттаяла земля,
Ужъ дымка легкая стоитъ на лѣсѣ
И улыбаются озимыя поля.

— Христось воскресъ! — Воистину воскресе!
Поютъ скворцы, летятъ къ намъ журавли,
Парникъ открытъ и для посадокъ смѣси
Ужъ дѣлаетъ садовникъ изъ земли.

— Христось воскресъ! — Воистину воскресе!
Ну, вотъ ужъ и весна вернулась къ намъ опять!..
И хочется безъ гордости, безъ спѣси
Съ привѣтомъ руку ближнему подать.

Кузнечикъ.

МАЛЕНЬКАЯ ЛИЗА.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

(Продолженіе).

Проводивъ Марью Игнатьевну и Наденьку, я вернулась домой и застала папу и маму въ какомъ-то странномъ возбужденіи. Папа, весь красный, ходилъ въ волненіи изъ угла въ уголь, а мама то плакала, то смѣялась. Выраженіе ея лица было то радостное, то очень грустное. Я въ недоумѣніи стояла у порога и смотрѣла на обоихъ.

— Если это не совпаденіе въ имени и въ фамиліи, сказала мама, — то самъ Господь сжалился надо мной и послалъ насъ на дачу именно сюда!

А папа, повидимому, былъ занятъ своими мыслями и отвѣтилъ ей только одной фразой:—

— Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ ты сказала этой попадѣ, что онъ—нашъ родственникъ! Немножко рано! Нужно было бы подождать, а то его постараются отсюда поскорѣе убрать!

Все это было для меня неразрѣшимой загадкой. Я подскочила къ папѣ и схватила его за руку.

— Кого убрать? спросила я. — Почему самъ Господь сжалился надъ мамой, что послалъ насъ именно сюда?

Папа и мама спохватились и сразу-же овладѣли собой.

— Иди, дружочекъ, въ садъ!

обратился ко мнѣ папа.— Побѣгай тамъ! Есть вещи, которыя тебѣ знать еще рано и которыхъ ты все равно не поймешь!

Я вышла въ садъ и долго ходила, понуривъ голову.

Ко мнѣ вышла мама.

— Ну, чего ты призадумалась? обратилась она ко мнѣ.— Подними головку, улыбайся!

Я все еще была удручена и чуть не заплакала.

— Мама, сказала я,— зачѣмъ ты и папа что-то скрываете отъ меня? Какимъ родственникомъ доводится тебѣ Вячеславъ?

— Вѣдь это одно только еще предположеніе, отвѣтила она.— Но развѣ тебѣ не хочется, чтобы у тебя вдругъ оказались родственники? Развѣ тебѣ никогда не казалось страннымъ, что у тебя до сихъ поръ не было ни дядей, ни тетокъ, ни двоюродныхъ братьевъ и сестеръ?

— Нѣтъ, мама, отвѣтила я искренно.— Въ Петербургѣ мнѣ никогда не приходило этого въ голову; но здѣсь, въ этомъ прелестномъ хуторѣ, гдѣ такъ свободно и просторно, мнѣ такъ хотѣлось-бы имѣть брата или сестру!

— Ну, такъ я тебя сейчасъ обрадую: у меня дѣйствительно

есть родственники и даже очень близкіе, только едва-ли они захотятъ съ нами знаться. Они очень горды для этого и тщеславны. Для нихъ твой папа слишкомъ маленькій и незнатный человѣкъ, чтобы они захотѣли быть съ нимъ знакомыми. Этотъ мальчикъ Вячеславъ, если только это дѣйствительно онъ,—доводится тебѣ очень близкимъ родственникомъ. Даже очень!

— Это и понятно, мама, сказала я.—Онъ такъ похожъ на тебя!

Мама немного смутилась.

— Ты это замѣтила? спросила она.

— Да, отвѣтила я.

Лицо мамы просіяло.

— Ну, такъ знай-же, сказала она, — что если этотъ Вячеславъ дѣйствительно то самое лицо, о которомъ я говорю, то онъ—твой родной братъ!

Мнѣ показалось, что я ослышалась. Я въ недоумѣніи посмотрѣла на маму.

— Да, да, дитя мое! Онъ твой родной братъ, продолжала она.— Я и папа тосковали по немъ цѣлыя девять лѣтъ и вотъ наконецъ сама судьба свела насъ съ нимъ. Онъ, конечно, не знаетъ, что у него есть еще и отецъ и мать, что мы оба еще живы... Но дай сюда руку, я расскажу тебе все. Сядемъ здѣсь!

Вся затрепетавъ, я подала мамѣ руку и послѣдовала за ней. Мы обѣ сѣли.

— Ты сейчасъ упрекнула меня, начала мама,—что я и папа скрывали отъ тебя эту тайну. Мнѣ это больно, Лизочка, но что-же мы могли сдѣлать? Ты была до сихъ поръ очень мала и едва-ли поняла-бы насъ. Но теперь ты уже умнѣе многихъ взрослыхъ. Ты одна совершила двойное путешествіе черезъ всю Россію. Благодаря тебѣ, мы попали на дачу сюда. Можешь ты теперь выслушать меня? Постараешься-ли ты меня понять?

Я смѣло посмотрѣла ей въ самые глаза и увѣренно отвѣтила:—

— Могу, мамочка... Говори мнѣ все... Я тебя пойму!

А сердце мое такъ и прыгало отъ волненія и нетерпѣнія. Щеки мамы пылали.

— Тотъ-ли это мальчикъ, или не тотъ, продолжала мама,—но разъ дѣло приняло неожиданно такой оборотъ,—я расскажу тебѣ все. Слушай. Я—рожденная графиня Костромина. Въ моихъ жилахъ течетъ благородная графская кровь. Мои предки ведутъ свое начало еще отъ временъ Ивана Калиты. Но, конечно, не въ этомъ мое главное благородство. То, что я родилась въ графской семьѣ, зависѣло не отъ меня. Но то, что я вышла замужъ за твоего честнаго, превосходнаго отца, который происходитъ изъ крестьянъ—вотъ мой благородный поступокъ. Я вышла за него замужъ, потому что я

любила его, а иначе я ни за кого-бы замужъ не вышла. Теперь, когда ты знаешь, кто я и кто твой отецъ, я расскажу тебѣ по порядку все.

„Мои отецъ и мать умерли, когда я была еще маленькимъ ребенкомъ. Я не помню ихъ. Я выросла у своей бабушки старой, чопорной графини, которая жила въ своемъ громадномъ имѣннiи одна и передъ которою всѣ преклонялись. Я была окружена цѣлымъ штатомъ учительницъ, гувернантокъ и прислугъ, и бабушка ничего не жалѣла на мое образованiе, такъ какъ мечтала, что я выйду замужъ за какого-нибудь знатнаго молодого человека съ громкимъ титуломъ, что у меня впослѣдствii родится сынъ, который и будетъ продолжателемъ нашего славнаго рода по женской линiи. Но ея мечтамъ не удалось осуществиться. Когда мнѣ исполнилось восемнадцать лѣтъ, то бабушка рѣшила, что пора уже меня было выдать замужъ, и повезла меня съ этой цѣлью въ Москву. Тамъ цѣлый рой тетусекъ и разныхъ княгинь и графинь принялись за меня и стали меня вывозить на концерты и балы, чтобы я могла поскорѣе найти себѣ какого-нибудь титулованнаго жениха. И дѣйствительно, скоро ко мнѣ присватался нѣкій князь Курковскiй. Тетуски и бабушка обрадовались и начались уже приготовления къ возможной свадьбѣ.

Но тутъ, неожиданно-негаданно, у однихъ нашихъ общихъ знакомыхъ я встрѣтила твоего отца. Онъ поразилъ меня своимъ умомъ, благородствомъ и талантомъ. Тогда онъ только что еще сталъ писать и о немъ заговорили уже во всѣхъ газетахъ. Ему пророчили блестящую будущность, какъ писателю. Его родители были простые люди, его дѣдъ былъ крестьяниномъ и пахалъ землю, самъ-же онъ, твой отецъ, былъ высоко-образованнымъ человекомъ и окончилъ курсъ въ университетѣ. Онъ понравился мнѣ съ перваго-же взгляда; я ему тоже. И въ то время, когда бабушка уже окончательно рѣшила выдать меня за князя Курковского, твой папа тоже сдѣлалъ мнѣ предложенiе. Конечно, я предпочла его. Всѣ тетуски пришли въ ужасъ, а бабушка даже захворала. Какъ! Развѣ можно было выходить замужъ за такого незнатнаго человека? Но я стояла на своемъ.

— „Да ты пойми, глупая!“ крикнула на меня бабушка. — „Вѣдь, въ твоихъ жилахъ течетъ графская кровь, а его дѣдъ—простой крестьянинъ!“

— „Что-жъ изъ этого? спокойно возразила я.—Мнѣ придется жить не съ титуломъ, а съ человекомъ!“

„Бабушка вышла изъ себя.

— „Я проклянута тебя! крикнула она.—Я прогоню тебя изъ дома!“

„Но я была согласна на все.

„Не стану затруднять тебя по-

дробностями. Скажу только, что въ концѣ концовъ, несмотря на всѣ препятствія, я вышла замужъ за твоего отца. Для того, чтобы повѣнчаться съ нимъ, я бѣжала изъ дому.

„Бабушка дѣйствительно, не простила мнѣ этого и навсегда отказалась отъ всякаго родства со мною. Это было горько для насъ обоихъ, но дѣлать было нечего, и мы съ этимъ примирились. Мы влачили жизнь, полную лишений, такъ какъ у меня не было ничего, а у твоего папы были ничтожные заработки. Но это не пугало насъ. Мы были оба молоды и оба трудились. Будущее казалось для насъ не такимъ ужъ печальнымъ и — главное — насъ окрыляли надежды и нѣжная привязанность другъ къ другу. Я всегда была готова умереть за твоего отца. Но худшее уже подстерегало насъ впереди. Черезъ годъ Богъ послалъ намъ радость: родилась у насъ ты. Затѣмъ еще черезъ два года у насъ родился сыночекъ Вячеславъ. Къ сожалѣнію, я такъ его почти и не видала. Въ это время твой папа былъ за границей, на съѣздѣ писателей въ Парижѣ, и я была одна. Тотчасъ-же по появленіи на свѣтъ Вячеслава я тяжело захворала и долго была безъ памяти. Мы жили тогда въ Москвѣ. Одна изъ тетусекъ узнала о моемъ безнадежномъ положеніи, ей стало жаль меня, и она телеграфировала

бабушкѣ: не сжалится-ли она надо мной и не поможетъ-ли мнѣ чѣмъ-нибудь, такъ какъ у насъ положительно не было въ всемъ домѣ ни одной копейки? Я не просила ее объ этомъ и, должна сознаться, что если-бы была при памяти, то не позволила-бы ей это сдѣлать.

„Бабушка пріѣхала тотчасъ-же сама и пригласила ко мнѣ лучшихъ профессоровъ. Черезъ три недѣли я очнулась, пришла въ себя, вспомнила о своемъ ребенкѣ и бросилась къ колыбели. Но ея вовсе не оказалось. Не оказалось и моего сына. Мнѣ сказали, что бабушка окрестила его, назвала Вячеславомъ и увезла его къ себѣ въ имѣніе за тысячу верстъ. Это чуть меня не погубило совсѣмъ. Я едва перенесла эту новость. Затѣмъ возвратился изъ-за границы твой папа и формально потребовалъ отъ бабушки возвращенія ребенка. Но она написала намъ необыкновенно ласковое письмо. Она жаловалась на свою одинокую жизнь, на мою неблагодарность къ ней, просила, какъ милости, чтобы мы оставили ей Вячеслава. Она обѣщала намъ, что дастъ ему со временемъ блестящее образованіе и сдѣлаетъ его наслѣдникомъ всего своего громаднаго состоянія; она будетъ умолять Государя, чтобы, въ виду пресѣченія нашего рода, Онъ, по великой милости своей, далъ ему графскій титулъ. Но развѣ я и папа могли согласиться

на это? Развѣ мы могли лишать себя своего сына, а его за богатство и титулъ лишать родной семьи? Какъ ни были заманчивы предложенія старой графини, конечно, мы отвѣтили отказомъ и папа возобновилъ къ ней свои требованія о возвратѣ ребенка. Это обидѣло старуху. Она не ожидала отказа и объявила намъ беспощадную войну. Она такъ и не возвратила намъ Вячеслава. Всѣ наши хлопоты остались тщетными: не помогли ни мольбы, ни угрозы. Она сама съѣздила въ Петербургъ, долго тамъ хлопотала у самихъ министровъ и такъ какъ связи у нея были всегда очень сильныя и значительныя, то дѣло было подстроено такъ, что у насъ навсегда отобрали нашего-же ребенка и отдали его на воспитаніе къ прабабушкѣ. Что мы могли сдѣлать? Что предпринять еще? Она была важная, высокородная богатѣйшая графиня, а я — была неблагодарная внучка, вышедшая замужъ противъ ея воли. Мой мужъ былъ простой смертный и къ тому-же бѣднякъ. Пришлось противъ воли примириться съ несчастіемъ. Плеть обуха не перешибетъ. Мы покорились нашей долѣ, горько плакали, а затѣмъ я много хворала. Мы переѣхали въ Петербургъ, наняли тамъ домикъ въ Лѣсномъ, въ которомъ живемъ и до сихъ поръ — и вотъ судьбѣ было угодно, чтобы ты встрѣтилась

здѣсь со своимъ роднымъ братомъ Вячеславомъ.

„Теперь, Лизочка, ты знаешь все. Мы скрывали отъ тебя, что у тебя есть братъ, такъ какъ были увѣрены, что онъ ровно ничего не знаетъ о насъ и что мы для него — все равно чужіе...“

Я вспыхнула и вскочила съ мѣста.

— Нѣтъ, мамочка, возразила я. — Этого не можетъ быть. Если только Вячеславъ узнаетъ, что ты его мать, то онъ будетъ любить тебя такъ-же горячо, какъ и я! Хочешь, я позову его сюда? Хочешь, я сейчасъ сбѣгаю за нимъ и приведу его къ тебѣ?

Мама подумала. Лицо ея pokrылось мертвенной блѣдностью.

— Хорошо, сказала она наконецъ. — Пойди и приведи его!

Въ это время изъ дому вышелъ папа. Лицо его было задумчиво и печально. Увидавъ насъ вмѣстѣ, онъ подошелъ къ намъ и по нашимъ глазамъ догадался, что мнѣ уже извѣстно все.

— Такъ пойди же и приведи его сюда! повторила мама.

Папа не сказалъ ничего. Онъ только посмотрѣлъ мнѣ вслѣдъ и и тотчасъ-же сѣлъ рядомъ съ мамой и сталъ съ ней о чемъ-то съ жаромъ разговаривать.

Я со всѣхъ ногъ побѣжала къ церковному дому. Батюшка въ бѣломъ подрясникѣ ходилъ у себя по садику и поправлялъ вѣтви у

яблонь. Матушки и Наденьки еще не было дома. Вячеславъ бѣгалъ по лужку посреди сада и игралъ со щенкомъ, который хваталъ его за пятки.

— Вячеславъ! крикнула я ему сквозь палисадникъ.— Поди сюда! Онъ подошелъ.

— Пойдемъ скорѣе къ намъ! сказала я.— Дѣло есть! Моя мама тебя зоветъ!

Батюшка замѣтилъ меня и услышалъ эти слова.

— Поблагодарите вашу маму, милая барышня, крикнулъ онъ издалека.— Вяча никакъ не можетъ сейчасъ пойти къ вамъ въ гости. Сейчасъ должна пріѣхать со станціи его бабушка-графиня. Получили отъ нея телеграмму. Моя супруга съ дочерью прямо отъ васъ, не раздѣваясь, отправились ее встрѣчать. Ея лошади уже пріѣхали. Здѣсь. Завтра или послѣзавтра ея сіятельство съ Вячеславомъ уже отбудутъ на нихъ къ себѣ въ имѣніе...

Вячеславъ съ разочарованіемъ посмотрѣлъ на батюшку, а я на Вячеслава. Мнѣ стало грустно, но дѣлать было нечего, и я покорно поплелась домой.

— Ну, что? Гдѣ онъ? встрѣтила меня съ нетерпѣніемъ мама.

— Не придетъ!.. отвѣтила я.— Сейчасъ пріѣдетъ его бабушка.

— Сама графиня? встревожился папа.

— Да. Ее поѣхали уже встрѣчать.

А затѣмъ весь остатокъ того дня мы промолчали. Мама томилась и скучала, папа ходилъ по кабинету и теребилъ себѣ бородку, а я думала думу.

„Я обязательно завтра притащу сюда Вячеслава!“ рѣшила я.— „Мама должна повидаться съ нимъ и поговорить!“

На слѣдующій день я проснулась поздно, потому что почти всю ночь отъ волненія не спала. Одѣвшись и напившись чаю, я сказала мамѣ, что отправляюсь гулять, и побѣжала къ дому батюшки. Не успѣла я добѣжать и полдороги, какъ къ удивленію своему, увидѣла какую-то сторбленную, сморщенную старушку, одѣтую во все черное. Она несла корзину съ чѣмъ-то и опиралась на палку. Походка у нея была тяжелая. Я приглядѣлась къ ней и узнала въ ней самое графиню Костромину. Сердце во мнѣ затрепетало.

— Не видала-ли ты, дѣвочка, мою карету? обратилась она ко мнѣ.—И что это за дураки такіе, право! Приказала имъ закладывать и догонять меня,—а вотъ ужъ иду чуть не цѣлую версту, а ихъ все нѣтъ. Вѣдь я не молодая!

Я подскочила къ ней и взяла отъ нея корзину.

— Позвольте мнѣ ее донести! ласково сказала я.

— Возьми, возьми! отвѣтила

Зацвѣла чермуха..

— Возьмите меня за руку! Вотъ такъ! Вамъ легче будетъ!
(Къ повѣсти „Маленькая Лиза“).

она. — А то ужъ она мнѣ руку оттянула!

Корзина дѣйствительно была тяжела. Я такъ и не знаю, что въ ней было.

— Обопритесь на мое плечо! предложила я ей.—Возьмите меня за руку! Вотъ такъ! Вамъ легче будетъ!

Старуха взяла меня подъ руку и мы пошли рядомъ. По всему было видно, что она очень была довольна, что я предложила ей свои услуги.

— Ну, спасибо тебѣ, дѣвочка, что ты мнѣ помогла! сказала она.— Не всѣ бываютъ такъ услужливы и добры, какъ ты.

Въ это время позади насъ слышался топотъ лошадиныхъ копытъ. Прекрасная карета, запряженная парой лошадей, догнала насъ и остановилась. Ливрейный лакей соскочилъ съ козелъ и отворилъ передъ графиней дверцу.

— Пожалуйте, ваше сіятельство! съ почтительностью сказалъ онъ.

Графиня метнула на него глазами искры.

— Не нужно опаздывать... строго, но ровно сказала она.

— Виноватъ, ваше сіятельство...

Я усадила ее въ карету, передала ей корзину и поклонилась. Графиня усѣлась и вдругъ подняла на меня глаза. Лицо ея освѣтилось улыбкой.

— Хочешь, я тебя покатаю? предложила она мнѣ.

И прежде чѣмъ я успѣла отвѣтить, она протянула ко мнѣ свою костлявую руку и втащила меня въ карету.

— Пошелъ! крикнула она кучеру.

Лошади побѣжали нога въ ногу, быстрой рысью. Видя, что я пугливо стала озираться по сторонамъ, графиня постаралась меня успокоить.

— Ты не смущайся, сказала она.— Мы недалеко! Тутъ надо кое-чего отвезти одной бѣдной вдовѣ!..

И вдругъ случилось то, чего нельзя было избѣжать. Она задала мнѣ роковой вопросъ.

— Да ты чья? Кто твои родители?

Я отвѣтила.

Она нахмурилась.

— Значить, твоя мать — рожденная Костромина? продолжала она.

— Да, отвѣтила я съ замираніемъ сердца и покраснѣла.

Я не знала еще, какъ отнесутся къ этой моей откровенности мои папа и мама. Но обманывать и уворачиваться я не могла.

Старуха тоже, казалось, была взволнована.

— Такъ, значить, это правда... какъ-бы про себя сказала она.— Значить, эта женщина передала мнѣ вчера дѣйствительно то, что было!..

Я догадалась, что она говорила про Марью Игнатьевну.

А затѣмъ графиня забилась въ уголокъ, какъ-то вся съежилась и всю дорогу уже молчала.

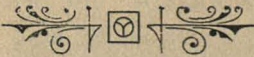
Минуть черезъ двадцать мы

подѣхали къ какой-то хаткѣ. Изъ нея вышла женщина и съ низкими поклонами приняла отъ графини корзину.

Мы поѣхали назадъ.

М. Б—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МАЛИНОВКА.

(ЛЕГЕНДА)

Это было такъ давно, что не записано ни въ какихъ книгахъ міра. Тогда еще Господь только что создалъ небо и землю, поселился и самъ на землѣ и сталъ создавать всѣхъ звѣрей и всѣ растенія. Создавая ихъ, Онъ давалъ каждому изъ нихъ названіе и дѣлалъ окраску. Въ этотъ день попугай получилъ свои блестящія зеленныя перья и осель свои длинныя уши. Въ этотъ-же день и пчела получила отъ Господа приказаніе собирать медъ и готовить его для людей. Вообще въ этотъ день случилось много чудеснаго и если-бы люди могли знать все, что тогда случилось, то имъ теперь было-бы понятно все.

Господь сидѣлъ и, великій и многомилостивый, весь день творилъ животныхъ и вдыхалъ въ нихъ жизнь. Когда-же день сталъ склоняться къ вечеру, то послѣднею изъ-подъ Его рукъ вышла маленькая, сѣренькая птичка.

— Пусть твое имя будетъ Малиновка! сказалъ Господь. — Запомни его и дети, куда понесутъ тебя твои крылья.

Онъ посадилъ ее къ себѣ на ладонь, она оглядѣлась по сторонамъ, вспорхнула и улетѣла.

Полетавъ немного, она оглядѣла прекрасную страну, въ которой должна была жить, поглядѣла на другихъ птицъ и звѣрей и ей вдругъ захотѣлось взглянуть на самое себя. Должно быть, она вся малиноваго цвѣта, думала она, и прекрасна, какъ вечерняя заря. Не даромъ-же самъ Господь назвалъ ее Малиновкой! Она полетѣла надъ водой и взглянула на свое отраженіе въ ея поверхности. И вдругъ она увидала, что она вовсе на розоваго цвѣта, а такая-же сѣрая, какъ и воробей. И сколько она ни вертѣлась надъ водой, она не замѣтила на своемъ тѣлѣ ни единаго краснаго перышка.

Тогда она полетѣла къ Господу Богу.

Милосердный и ласковый, Онъ возсѣдалъ у себя въ раю на престолѣ. Изъ Его рукъ вылетали прекрасныя бабочки, кружившіяся вокругъ Его головы, на плечахъ у Него ворковали голуби, вокругъ цвѣли розы, лиліи, анютины глаз-

ки и маргаритки. Замирая отъ волненія и страха, маленькая птичка наконецъ приблизилась къ Господу и опустила на Его руку.

— Чего ты хочешь? спросилъ ее Господь.

— Я ничего не хочу, Господи, отвѣтила Малиновка, — такъ какъ Ты создалъ все, что только необходимо для земного счастья. Я желала-бы только знать, почему всѣ называютъ меня Малиновкой, когда я вся сѣрая, какъ воробей? Почему Ты далъ мнѣ такое имя, когда на всемъ моемъ тѣлѣ нѣтъ ни одного даже красноватаго пера?

Малиновка съ мольбою посмотрѣла на Господа Бога и оглянулась по сторонамъ. Вокругъ нея прохаживались золотисто-красные фазаны, перелетали съ вѣтки на вѣтку ярко-окрашенные попугаи, рѣяли желтыя и голубыя бабочки, цвѣли пунцовыя розы и плескались въ водѣ золотыя рыбки. И птичка подумала: —

„Вотъ всѣ эти творенія такъ красивы... Что, если-бы на меня упала хоть-бы только одна капелька красной краски! Какъ-бы тогда подходило ко мнѣ мое имя!“

Она взглянула еще разъ съ мольбою на Господа Бога и сказала: —

— Зачѣмъ-же мнѣ и называться Малиновкой, если я вся сѣрая, какъ воробей?

Господь ласково улыбнулся и отвѣтилъ: —

— Я назвалъ тебя Малиновкой и пусть такъ называютъ тебя всѣ! Но ты сама должна заслужить себѣ красныя перышки, о которыхъ такъ мечтаешь.

Господь поднялъ руку и повелѣлъ птичкѣ летѣть.

Она отлетѣла въ сторону и глубоко задумалась. Что она, такая маленькая и безсильная, могла сдѣлать, чтобы заслужить себѣ красный цвѣтъ? На какіе подвиги могла она быть способной, чтобы исполнилась ея мечта? Нѣтъ, она безсильна и слаба, она не въ состояніи сдѣлать ничего и всю свою жизнь обречена только на то, чтобы ѣсть и пить и больше не дѣлать ничего!

Долго еще думала она, но не могла придумать ничего, и съ печалью опустила въ кустъ шиповника. Тамъ она свила себѣ гнѣздо среди колючекъ, вывела птенцовъ и все думала о томъ, что сказалъ ей Господь.

„Хоть-бы одинъ изъ лепестковъ шиповника упалъ мнѣ на грудь, думала она, — тогда я воображала-бы, что это у меня алая окраска“...

Прошло нѣсколько тысячъ лѣтъ послѣ того дня, въ который Господь творилъ птицъ. Адамъ и Ева были изгнаны изъ рая, животныя тоже покинули рай и распространились по всей землѣ. Люди размножились настолько, что должны были начать пахать землю, плавать по морю, шить одежду, строить себѣ жилища и даже воздвигать большіе храмы и такіе громадныя города, какъ Римъ, Афины, Иерусалимъ. Та малиновка, съ которой разговаривалъ когда-то Господь, давно уже померла, но она передала Его слова своимъ дѣтямъ и завѣщала имъ, чтобы и они тоже передавали ихъ своему потомству.

И вотъ однажды наступилъ снова день, который будутъ помнить на землѣ всегда. Утромъ этого дня Малиновка сидѣла на невысокомъ каменистомъ холмѣ недале-

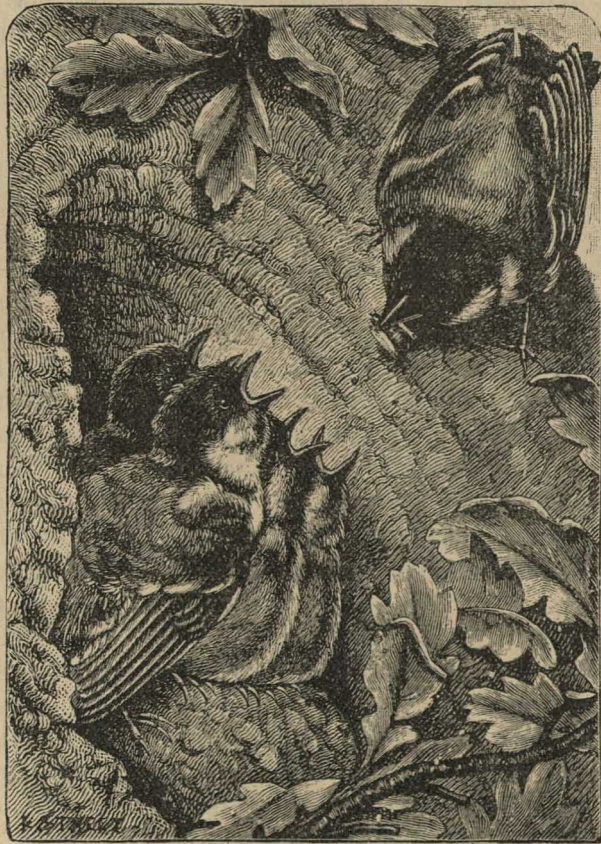
ко отъ Иерусалима и пѣла своимъ птенцамъ пѣсню, а тѣ, какъ чашечки на блюдцѣ, лежали въ своемъ гнѣздышкѣ, устроенномъ прямо на землѣ подъ вѣтвями низкаго терновника.

Она рассказывала дѣтямъ о томъ, какъ когда-то давно-давно, въ незапамятныя времена, Господь сотворилъ небо и землю, и птицъ и животныхъ, и человѣка, и какъ всѣмъ имъ далъ имена. Она рассказала такъ-же о томъ, какъ первая Малиновка удостоилась разговора съ Богомъ о своей окраскѣ и какъ Онъ, великій, приказалъ ей, ничтожной птичкѣ, именно заслужить свою окраску. Этотъ разговоръ Малиновки передавали всѣмъ своимъ потомкамъ изъ рода въ родъ и вотъ теперь и эта, послѣдняя малиновка, пѣла о немъ своимъ птенцамъ. И если-бы она только могла объ этомъ знать, то для нея было-бы ясно, что путемъ цѣлаго ряда рожденій она опять стала точь-в-точь тою-же самою

Малиновкой, съ которою когда-то разговаривалъ самъ Господь.

— Но съ того дня, когда Господь жилъ на землѣ, грустно пѣла свою пѣсню эта послѣдняя Малиновка, — прошли уже цѣлые вѣка. Безчисленное количество

розъ уже успѣло зацвѣсти и отцвѣсти, безконечное множество птичекъ вылунилось изъ яицъ, а мы, Малиновки, попрежнему все остаемся маленькими сѣренькими птичками и до сихъ поръ намъ не удалось заслужить себѣ крас-

Малиновки.

ныхъ перьевъ.

Птенчики широко раскрыли свои красные клювы и стали спрашивать свою мать, пытались-ли ихъ предки совершить хоть-что-нибудь, чтобы заслужить желанную для нихъ окраску?

— Что-же можемъ сдѣлать мы, слабыя, беззащитныя птички? отвѣтила имъ Малиновка. — На какіе подвиги мы можемъ быть способны? Мы можемъ только любить Бога, природу и людей, но развѣ составляетъ подвигъ то, что каждый дѣлать обязанъ? Нѣтъ, не намъ, безсильнымъ, слабымъ птичкамъ, пускаться на то, что дано другимъ, болѣе умнымъ и сильнымъ, чѣмъ мы.

Птичка замолкла.

Въ это время изъ городскихъ воротъ вышла огромная толпа. Она направилась именно къ тому самому холму, на которомъ находилось въ терновикѣ гнѣздо съ птенцами.

Здѣсь были римскіе всадники на красивыхъ коняхъ, солдаты съ длинными, острыми копьями, первосвященники и судьи, палачъ съ гвоздями и молоткомъ, плакавшія женщины, а впереди всѣхъ шла толпа неистоваго, дикаго, воющаго простого народа и кричала: —

— Возьми, возьми, распни Его!

Малиновка испугалась, задрожала всѣмъ тѣломъ и сѣла на край своего гнѣзда. Ей было страшно. Она боялась, что кто-нибудь изъ этой толпы наступитъ на кустъ терновника и раздавитъ ея птенцовъ.

— Тише! шептала она своимъ маленькимъ, беззащитнымъ дѣтямъ. — Сидите смирно, прижмитесь другъ къ другу потѣснѣе, сидите смирно и молчите, точно васъ здѣсь и нѣтъ. Вотъ ѣдетъ лошадь... Она шагнетъ сейчасъ прямо на васъ... Нѣтъ, она переступила черезъ васъ, но за то прямо сюда движется въ тяжелыхъ

сапогахъ солдатъ, который можетъ, пожалуй, на васъ наступить... За нимъ идетъ съ ревомъ дѣлая толпа.

Но вдругъ птичка перестала предостерегать своихъ птенцовъ. Она умолкла и сразу-же позабыла объ угрожавшей ей опасности.

— Это ужасно! воскликнула она. — Я не хочу, чтобы вы это видѣли!.. Сюда ведутъ на распятіе трехъ преступниковъ. Вѣдь это — Голгова!

И она въ страхѣ распустила крылья и заслонила ими ужасную сцену отъ своихъ птенцовъ. Они слышали только дикій ревъ, стоны, громкій стукъ молотка и возгласы: —

— Возьми, возьми, распни Его!

Малиновка слѣдила за всѣмъ полными ужаса глазами и не могла оторвать взора отъ Одного изъ осужденныхъ.

— Какіе жестокіе люди! проговорила она, помолчавъ немного. — Мало имъ было того, что они распяли этихъ несчастныхъ: они еще возложили на голову Одного изъ нихъ и терновый вѣнецъ! Вотъ они прибавляютъ надъ Нимъ какую-то надпись! Я вижу, что на ней написано: „Иисусъ Назорей, царь Іудейскій“!

А въ это время шумѣла и бѣсновалась толпа и радостно восклицала:

— Сойди со креста, если ты Христосъ!

И птичка продолжала:

— Я вижу, что терновые шипы вонзились Ему прямо въ чело и что изъ него течетъ кровь. Но Человѣкъ этотъ такъ ласковъ и такъ всепрощающъ, что каждый изъ нихъ, этихъ людей, долженъ былъ-бы Его любить. При видѣ

Его страданій я чувствую, какъ начинается разрываться на части мое сердце!

И глубокая жалость охватила птичку къ этому Страдальцу въ терновомъ вѣнцѣ.

„Если-бы я была орломъ, подумала она,—то вырвала бы гвозди изъ Его рукъ и ногъ и своими сильными когтями исцарапала-бы этихъ людей“.

Малиновка видѣла, какъ текла кровь съ чела Христа и не смогла дольше оставаться на своемъ гнѣздѣ. Она позабыла обо всемъ, о своихъ дѣтяхъ, о себѣ самой и полетѣла прямо къ распятому Христу и стала описывать вокругъ него широкіе круги.

Нѣсколько разъ она облетѣла вокругъ креста, не рѣшаясь подлетѣть къ нему поближе. Кто была она? Всего только маленькая пугливая птичка, которая до сихъ поръ еще ни разу не осмѣливалась близко подлетать къ людямъ. Но сознание долга пересилило въ ней ея робость, она мало-по-малу набралась храбрости, подлетѣла къ самому кресту и вытащила клю-

вомъ колючку, вонзившуюся въ чело Божественнаго Страдальца.

И въ ту минуту, какъ она вытаскивала ее, капля крови Распятаго Христа упала ей на грудь. Она быстро расплылась на ней и окрасила въ алый цвѣтъ покрывавшія ее перышки.

Когда Малиновка вернулась въ свое гнѣздо, то птенцы радостно закричали ей:

— Твоя грудь покраснѣла! На ней перья стали алыми, какъ розовые лепестки!

— Это только кровь Страдальца! кротко отвѣтила имъ въ волненіи мать.—Какъ только я искупаюсь въ ручьѣ, такъ она тотчасъ-же и отойдетъ.

Но сколько она ни купалась въ ручьѣ, красный цвѣтъ съ ея шеи и груди такъ и не сошелъ. А когда подросли ея птенцы, то и на ихъ груди уже красовались такія-же алыя перья, какія красуются теперь на груди у каждой Малиновки, скромно распѣвающей у насъ въ лѣсахъ.

Изъ Сельмы Лагерлѣфъ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманное слово перевернуто задомъ напередъ и состоитъ изъ девяти буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9.

Буквы 7. 3. 6. 3. 2. 5 — означаютъ двухкопытное животное, 7. 5. 4. 7. 5 — принадлежность военной формы, 2. 5. 7. 4. 5 — то, безъ чего не можетъ обойтись сапожникъ, 4. 3. 2. 5 — птицу, 4. 3. 6. 3. 7. 5 — тоже птицу, 2. 3. 6.

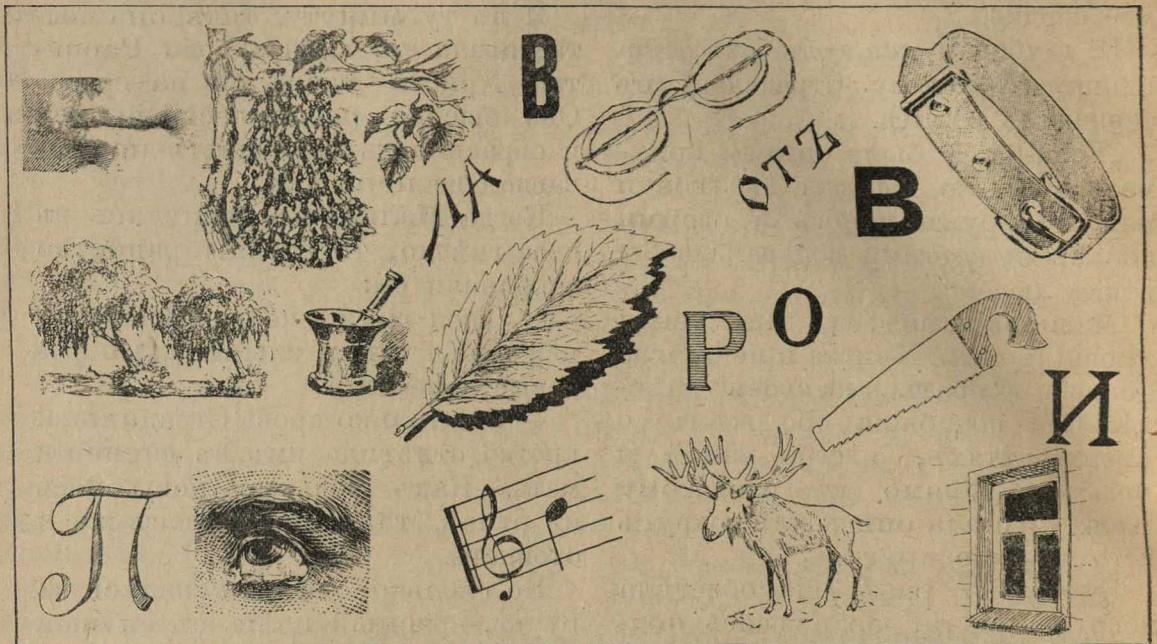
3. 9. 5 — еще птицу, 2. 8. 4. 9. 5 — время года, 7. 3. 2. 8. 6. 1 — то, что даетъ квартирѣ уютность, 3. 2. 8. 4. 1 — хлѣбный злакъ, 4. 3. 4. 9. 5 — дерево, 3. 4. 3. 7. 5 — траву.

Отгадать всѣ эти слова и по нимъ задуманное слово, которое означаетъ фамилію писателя.

II.

Возьмите часть сороки, конецъ шила и кусокъ муравья. Сложите.

Ребусъ № 12.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

Должно получиться названіе голосистой птицы, которую всѣ очень любятъ. Какая птица?

III.

Почему солнце восходитъ на востокъ, а заходитъ на западъ?

IV.

Въ корзинѣ было шесть яблокъ. Три мальчика подѣлили ихъ между собою поровну, при чемъ каждому досталось по два яблока. Послѣ дѣлежа въ корзинѣ остались два яблока. Какъ это могло случиться?

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса, помѣщенныхъ въ № 9 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: I. Мой отецъ. II. За стѣною. III. Отецъ и дочь. IV. Театръ, осель, терновникъ, терка, лава, катерь = Екатеринбургъ. V. Сѣра, кость, старость, сталь, колбаса, соколы, работа, собака, табакъ, бѣлка = Старобѣльскъ.

Ребусъ № 10: К+оса+ри+уста+ли+к+оси+ть+л+ужь+о+киверь+нули+сь+е+корона+п+око+й = Косари устали косить лужокъ и вернулись скоро на покой.

Фамилии подписчиковъ, приславшихъ вѣрныя рѣшенія, см. на послѣдней страницѣ обложки.

ТРИ КНИГИ за 1 руб. 60 к.

съ пересылкой:

1. „Дружокъ и Домка“.
2. „Найдемышъ и подкидышъ“.
3. „Англійскія сказки“.

Выписывать можно **открытымъ письмомъ** изъ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, Петроградъ, Каменноостровскій просп., 26.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1916 годъ.

на художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 въ годъ номера).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

24 приложенія для склеиванія, 12 игръ, 12 картинъ для украшенія дѣтской.
Особое приложеніе для годовыхъ подписчиковъ:

Книга съ иллюстраціями:

„БРАТЪ И СЕСТРА“.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ⁶⁸
ученической библіотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой
на годъ 4 р. 80 к., на полгода—2 р. 40 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое
Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и
въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда.

4 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 копѣекъ почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Вѣрные рѣшенія прислали: Л. Кегресь, В. и В. Богдановы, М. Акулова, А. Волкова, Г. и А. Семенчевы, И. Касьяновъ, Н. и И. Александровы, М. Александра, Т. Рышкова, Л. Бергеръ, Лѣбанька и Люсенька, П. Григорьева, В. Даниловичъ, В. и В. Годко, Т. Никитина, М. Медеръ, В. Дмитриева, дѣти Ланевскіе, Ш. и В. Бѣлобжескія, И. Осѣдкій, Л. и Е. Фукезонъ, Д. Страмковский, Л. Юшкова, С. Годовъ, К. и А. Смѣкаловы, Е. Добрышина, Н. Чиркова, М. Юрченко, К. Павлова, И. и Л. Кацауровы, Н. Рубль, Л. Дложевская, С. и А. Сорнецкіе, А. Шалимовъ, М. Ледневъ, М. Юрченко, В. и К. Щировскіе, дѣти Сыромяткины, П. Березовъ, А. Любимовъ, Л. Чудинова, Мотя Я., Н. и К. Милутины, А. Самуцигъ, Н. и Г. Клоссъ, М. и Л. Курбатовы, Ш. и Л. Асмаевы, Ш. Подсолихинъ, З. Масалитинова, К. Опниковъ, П. Харчинъ, Д. Жуковъ, И. Карыгинъ, Ж. Моринъ, Е. Дубровинъ, Р. и В. Балакирскіе, В. Ровицкій, Р. Лапцкій, М. Райкова, К. Герасимовъ, М. К., С. Кравченко, В. и К. Крыловы, А. Русисъ, Витя К., Ж. и С. Маевы, Ш. Щербакъ, В. Пельцихъ, Е. Ниренбергъ, Ж. Васильева, Г. и Ж. Ивановы, М. Растатуровъ, К. Добромислова, В. Бушъ, К. и Н. Кокушкины, В. Нецвѣтъ, И. Кисельгофъ, В. Платоновъ, К. Казачинскій, Ю. Видерманъ, К. Нусенисъ, К. и С. Охотины, М. Вѣтка, Т. и А. Андреевы, А. Рутковский, В. и Ю. Сухины,

А. и Н. Козловы, В. Груздевъ, Н. Померанцева, П. Карнаухова, Т. и В. Серебренниковы, П. Цевелевъ, М. Щегловъ, О. Мантьева, Р. Навтановичъ, Л. и Б. Петропольскіе, В. и В. Павловы, Е. Вычержанина, В. Киселева, Э. и В. Аука, М. Пекарская, Н. и И. Фалковы, С. Тягинская, Ю. и Н. Тарбѣвы, С. Левинъ, М. Явниковичъ, Н. Кармина, П. Теръ-Григоріанецъ, В. Енчменъ, Т. Смирнова, дѣти Колчины, К. и Ш. Добродѣевы, Е. Желтговскій, Б. Выстриковъ, Н. и В. Андриевскіе, Г. Вразникова, Н., Ж. и Л. Ивовы, Оксаночка и Грищутикъ, Г. Малоковъ, Л. и Ю. Агаповы, Д. Томбакъ, Д. Эрнстова, В. Суховъ, Г. Пыхачевъ, К. Фогель, С. Павловъ, Л. Сукованченко, Л. Федорова, А. и С. Михайловы, В. Моргенштерна, Ж. Цепелинскій, М. и Н. Серебренниковы, Л. Эпгарди, Ю. и Н. Анфимовы, Г. Золотаревъ, В. Нейвейлеръ, В. Погребовъ, В. Рошинъ, С. Жирковъ, С. Лубенцовъ, К. и Г. Тимофеевы, В. Бекетовъ, Л. Шапиро, Л. Юргисъ, М. Гулькевичъ, Ж. Зайцевъ, Б. Кустовъ, Н. Святлова, А. Милосъ, Л. Цыкина, П. Гладышевъ, В. Ясковскій, В. Полищукъ, Е. и Е. Касаевы, С. Цикіева, К. Веніамінова, Т. Кржанова, К. Озембловскій, Т. и С. Поповы, В. и Ю. Сухины, Бараблинъ, М. Жулидовъ, Г. Каневская, Н. Русанова, Р. Лисагъ, А. и О. Бетцъ, К. Авдинъ, В. Перли, К. Герасимовъ.